

ЭО, 2016 г., № 6

© Е.Е. Дутчак, В.В. Керов. Рец. на: *Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания)*. М.: Институт Наследия, 2013. 312 с.

Междисциплинарному осмыслению феномена религиозной культуры как фактора цивилизационного развития посвящено большое количество исследований, но, тем не менее, эта тема раскрыта еще далеко не полностью. Одной из ее незатронутых областей представляется система концептов, ядром которой является понятие “религиозное пространство”. Денотат категории “культурное пространство” в целом освоен международным и российским научным сообществом, но в том, что касается формально являвшегося объектом многочисленных исследований, проведенных российским и региональным научным сообществом в последние полтора столетия, пространства конфессионального — не выявлена его структура, не ясны функции. Что же касается обобщений и теоретического объяснения, то здесь ситуация еще хуже. Во многих случаях ученые используют результаты исследований региональных этноконфессиональных систем для решения совершенно иных задач, например, таких как проблема “фронтира” или анализ местных черт конкретных деноминаций. В большинстве работ тщательно, но без реального выявления особенностей в ходе сопоставительного анализа, дается лишь описание местных или региональных конфессиональных групп на чем, в целом, и завершается исследование. В результате накопленный массив научной информации представляет собой множество небольших практически изолированных баз данных и потому лишь фрагментарно используется для разработки типологий и классификаций.

И на этом пути, впрочем, достигнуты определенные итоги. Так, реконструированы особенности генезиса и исторического развития многих российских религиозных групп и успешно решаются задачи конфессионального картографирования (Пучков 2007). Предпринимаются и другие удачные попытки научно-религиоведческого синтеза (см., напр.: Казьмина 2009), требующие, однако, огромных академических усилий.

Разрыв между накоплением и систематизацией научного знания становится наиболее очевидным при обращении к истории изучения групп религиозных “диссидентов”, которые сложились в ходе противостояния государственной религии и церкви, обладают высокой миграционной активностью и, как следствие, имеют богатый опыт рефлексии в отношении правил собственного жизнеустройства. Например, сложно сказать, что является большим препятствием для появления обобщающих трудов по истории староверия: догматическая, социальная и культурная многоликость конфессии или обилие исследований, фиксирующих ее гетерогенность. Отсутствие методики компаративного анализа, пригодной для изучения вероисповедных и социальных практик российских религиозных групп в прошлом и настоящем, делает крайне важными опыты по ее созданию.

Такая методическая модель компаративного исследования сложноструктурированной деноминации, в рамках которого систематизируются накопленные данные, реализована в новой монографии известного фольклориста и этнолингвиста С.Е. Никитиной, посвященной сопоставлению религиозно-пространственных практик сообществ русских староверов, молокан и духовборцев. Их вынужденные и добровольные миграции определили географию работы: это территория Российской империи и Северной Америки. Невозможность включения в исследование всех аспектов конфессиональной культуры обусловила важный выбор критерия компаративного анализа сообществ, находящихся на религиозной периферии, но наследовавших авраамическим религиям. Сходства и различия трех деноминаций обусловлены: 1) способом освоения христианского письменного наследия, который отражается в их “речевом поведении” и может быть выявлен в семантике культурных концептов; 2) типом толкования (интерпретации) религиозных текстов и 3) отношением к “иноверному” окружению. Важно, что компаративистский аспект работы включает множественность планов — культуры-пространства сопоставляются попарно, в разных аспектах одной деноминации.

Преимущество предлагаемого подхода — в практической концептуализации понятия “народная религиозная герменевтика” (очень схожей с понятием дискурсивной стратегии из глоссария М. Фуко). Такая герменевтика возникает в результате взаимодействия письменных и устных компонентов культуры и выражает народное понимание гармоничности мироздания. С.Е. Никитина

Дутчак Елена Ерофеевна — д.и.н., проф. исторического факультета Томского государственного университета (г. Томск), e-mail: dee010@mail.ru; Керов Валерий Всеволодович — д.и.н., проф. Школы исторических наук Высшей школы экономики (г. Москва), e-mail: vvkerov@gmail.com

полагает, что это понимание основано на представлениях о существовании сфер с разным уровнем лабильности и характеризуется с помощью концептов *закон, обряд и порядок*: божественный “закон” вечен и неизменен, “обряд” корректируется эсхатологическими реалиями, “порядок” зависит от умения индивидов сохранять религиозное отношение к труду и собственным потребностям. Представленная таким образом иерархия культурных концептов становится для автора методическим инструментом при описании логики, в рамках которой народные конфессиональные культуры — если обратиться к антропологии повседневности Мишеля де Серто — конституируют ценности и идеалы в современном им политическом и социальном пространстве; при этом социальное включает и интерпретацию человеком природных условий жизни общины.

Эти процессы С.Е. Никитина анализирует на примере дискурсивных полей религиозной поэзии, рассматривая ее статус в системе конфессиональных высказываний и выделяя в качестве дифференцирующего признака отношение староверов, молокан и духовборцев к включению ее в литургию. Так, староверы, признающие богослужение только по “дониконовским” книгам, регламентируют время и место исполнения духовных стихов в соответствии с церковным календарем и уставом. Литургическая культура духовборцев, напротив, остается принципиально устной, и появление в ней “письменного дополнения” связано не с религиозными нуждами, а с интересом революционно настроенной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. к “оппозиционным” конфессиям и с публикацией в 1909 г. В.Д. Бонч-Бруевичем сборника псалмов “Животная книга”. Тип развития молоканской литургической традиции С.Е. Никитина характеризует как смешанный: Библия остается главной книгой, но техника изготовления или древность кодекса не считаются существенными, поскольку “слово записанное” для молокан всегда вторично и не может конкурировать с устным пересказом библейских текстов и пением псалмов.

Значение этих наблюдений не исчерпывается указанием на литургическую и музыкальную специфику трех конфессий. Прежде всего они важны для понимания феномена “народной грамотности” и причин, по которым она практически не отражена в государственной статистике имперской России. Выводы С.Е. Никитиной о домашнем — скрытом для внешнего наблюдателя — религиозном образовании и воспитании существенно расширяют научные представления о факторах сохранения христианской традиции в советский период. И хотя для старовера представление о грамотности больше связано с экзегезой — умением, приобретаемым долгим и планомерным изучением религиозных текстов, а для молокан — с чудом, “даром святого духа”, С.Е. Никитина настаивает на сходстве их дискурсивных стратегий и в силу этого — некорректности применения по отношению к ним термина Б. Стока “текстуальное сообщество”, пригодно, по ее мнению, только для описания речевых и социальных практик религиозных групп, не создавших культуру толкования письменного текста и не рефлексирующих по поводу собственных конфессионизмов.

В своей книге С.Е. Никитина обращается к таким понятиям как “культурный барьер” и “религиозное табуирование”. По ее мнению, конфессиональные культуры, время которых линейно и эсхатологично, а пространство оценивается по степени близости или удаленности “иноверцев”, определяют отношение к внешнему миру по градуальному, а не бинарному принципу. В этом кроются причины гибкости в заимствованиях, в равной мере присущие староверам, молоканам и духовборцам. От способности в своих внешних контактах сочетать распространение “своего” и усвоение “чужого” зависит их самосохранение в инокультурном и/или иноэтничном окружении.

Масштаб книги не вызывает сомнений, однако некоторые заключения, сделанные в ней, весьма дискуссионны. Рассматривая процессы формирования и эволюции конфессионального пространства исследуемых сообществ, С.Е. Никитина критикует широкое употребление в научной литературе термина “этноконфессиональная группа”. По мнению автора, его уместно использовать лишь применительно к членам деноминаций, проживающим за пределами России. Для этих групп действительно характерна специфическая сопряженность религиозной и этнической самоидентификации. Так, американские молокане, не сохранившие родной язык в богослужении, тем не менее считают себя русскими потому, что кладут в чай варенье. В России же обратная ситуация — конфессиональное становится здесь важнее этнического. Иллюстрируя это, С.Е. Никитина приводит пример “советского народного экуменизма” (также дискуссионный, на наш взгляд, термин), сделавшего возможным совместные богослужения представителей разных старообрядческих согласий, но не пришедшего при этом к исчезновению их самоназваний или нивелированию догматических отличий.

Кроме того, в своей триаде, определяющей сущность религиозной региональной культуры (закон, обряд, порядок), исследователь, на наш взгляд, упускает такой важный компонент как конфессиональные институты.

Однако размышления и наблюдения С.Е. Никитиной имеют важное значение для развития методики описания и анализа религиозных движений новейшего периода истории. Они наглядно показывают, что для изучения повседневности совершенно необходимо понимание устных практик языка, в которых отражается структура и целостность конфессиональной системы, а также логика ее потенциальных изменений в региональном измерении. Историографическое значение книги не вызывает сомнений, а высочайшая эрудиция, тонкость анализа и живой язык автора этой “этнологической поэмы” обуславливают не только академическое, но и эстетическое удовольствие от ее прочтения.

Научная литература

Казьмина 2009 — Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2009.
Пучков 2007 — Пучков П.И. Конфессиональная картография в России — / Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 36–42.

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 6

E.E. Dutchak, V.V. Kerov. Review of *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh (problemy sinkhronnogo opisaniia)* [Religious Cultures in Their Regional Variants (Problems of the Synchronous Description)], by S.E. Nikitina. Moscow, 2013.

Authors: Elena Dutchak, Tomsk State University (Tomsk, Russia), e-mail: dee010@mail.ru; Valery Kerov, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: vvkerov@gmail.com

ЭО, 2016 г., № 6

© А.А. Космарский. Рец. на: *Liu M. Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. 296 p.

Книга американского антрополога Моргана Лю “У трона Соломона: как узбеки видят возрождение Оша” написана на основе полевых антропологических исследований, которые он вел с 1993 по 2011 г. Такой “лонгитюд” является выдающимся: автор начал изучать узбекский и устанавливать контакты с жителями города практически сразу после распада СССР, когда Ош постепенно восстанавливался после этнических столкновений между узбеками и киргизами в 1989 г.; а последний полевой сезон прошел уже после “апрельской революции” 2010 г., также ознаменованной антиузбекскими погромами, которые, как с сожалением признает сам Лю, разрушили почти все, о чем он пишет. Поэтому книга в некотором смысле является памятником прошедшей эпохе.

Ош — это “южная столица” Киргизии, второй по численности населения город страны. С точки зрения истории и географии, Ош гораздо ближе к городам Ферганской долины (Андижан, Наманган, Коканд, Ходжент), чем к северной части Киргизии, с которой его связывает единственная горная автодорога. Это определяет и центральный сюжет книги: выживание узбеков (их в Оше около половины населения) после распада СССР и закрытия границ между бывшими республиками.

Однако главное действующее лицо книги — это не “узбеки Оша” (иначе монография осталась бы достаточно шаблонным рассказом о жизни этнического меньшинства), а сам город. Лю показывает, что Ош является не просто площадкой, где разворачиваются различные конфликты, а активным участником общественных процессов.

Проще говоря, Лю призывает “думать городом” (*think with a city*) об этнической идентичности, диаспоральности, рыночной экономике, политических идеалах, религиозной жизни и т.д.

Артем Анатольевич Космарский — научный сотрудник Института востоковедения РАН; e-mail: Artyom.kosmarski@gmail.com